

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Соловьёв Роман Сергеевич

**«ЖИЗНЬ ПЛОТИНА» ПОРФИРИЯ
В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ II–III ВЕКА
И ПРОБЛЕМА ЕЕ ЖАНРОВОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ**

Специальность 5.9.7 – Классическая,
византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2023

Работа выполнена на кафедре древних языков и древнехристианской письменности богословского факультета ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет».

Научный руководитель: Шичалин Юрий Анатольевич
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: Александрова Татьяна Львовна
доктор филологических наук
ФГБУН «Институт мировой литературы им.
А. М. Горького РАН», ведущий научный со-
трудник отдела античной литературы

Светлов Роман Викторович
доктор философских наук, профессор
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный уни-
верситет имени Иммануила Канта», дирек-
тор Высшей школы философии, истории и
социальных наук Института образования и
гуманитарных наук

Алиева Ольга Валерьевна
кандидат филологических наук
ФГАОУ ВО «Национальный исследовате-
льский университет „Высшая школа эконо-
мики“», доцент Школы философии и культу-
рологии факультета гуманитарных наук

Защита диссертации состоится «13» декабря 2023 г. в 15:30 на засе-
дании диссертационного совета МГУ.059.6 Московского государствен-
ного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва,
Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й учебный кор-
пус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: 059.6.philol@org.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной
библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27)
и на сайте: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/059.6/2753>

Автореферат разослан «___» _____ 2023 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук И. Р. Гимадеев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена анализу литературных связей авторов, входящих в римский философский кружок Плотина (Амелий Гентилиан и Порфирий Тирский), и христианских авторов, группировавшихся вокруг философа и богослова Оригена Александрийского (Григорий Неокесарийский и Евсевий Кесарийский). Ключевыми текстами для изучения бытования и литературной деятельности Платиновой школы являются сочинение *О жизни Плотина и порядке его книг* («Περὶ τοῦ Πλωτίνου βίου καὶ τῆς τάξεως τῶν βιβλίων αὐτοῦ»; *De vita Plotini deque ordine librorum eius libello*¹), написанное его ближайшим учеником Порфирием Тирским, а также фрагменты комментария Амелия на пролог Евангелия от Иоанна.

Актуальность исследования и степень разработанности проблемы

Актуальность обусловлена недостаточной изученностью литературных связей христианской и языческой философских школ III в., школы Плотина и школы Оригена, ключевых для последующей интеллектуальной истории платонизма и христианского богословия.

Доминирующее в историографии представление о закрытости школ платоников II–III вв. (Г. Дёрри², Л. Бриссон и А. Сегон³, Ф. Оффман⁴, К. де Фогель⁵, Т. Кукконен и П. Ремес⁶), которые, по мнению исследователей, не учитывали христианского нарратива при построении своей философской системы, не соответствует сведениям, содержащимся в источниках, и не отражает исторической ситуации. В то же время такие исследователи, как Дж. Диллон⁷, Ю. А. Шичалин⁸,

¹ Далее упоминается как *Жизнь Плотина* и *VP*. В случае обильного цитирования текста *VP* указываются лишь главы и строки, без названия: *VP*. 1.2 = 1.2.

² Dörrie, H. *Die Andere Theologie // Theologie und Philosophie*. 1981. Bd. 56 (1). S. 41–42.

³ Jamblique. *Vie de Pythagore / Introd., trad. et notes par L. Brisson and A. Ph. Segonds*. Paris: Les Belles Lettres, 1996.

⁴ См.: Shichalin, Yu. *The Traditional View of Late Platonism as a Self-contained System // Studia Patristica*. Vol. LXII. Papers presented at the Sixteenth International Conference on Patristic Studies held in Oxford 2011 / Edited by Markus Vinzent. Vol. 10: *The Genres of Late Antique Literature*. 2013. P. 3.

⁵ De Vogel, C. J. *Platonism and Christianity: A Mere Antagonism or a Profound Common Ground? // Vigiliae Christianae*. 1985. Vol. 39 (1). P. 31.

⁶ Kukkonen, T., Remes, P. *Divine Word and Divine Work: Late Platonism and Religion // Numen*. 2016. Vol. 63, No. 2/3, Special Issue: *Divine Word and Divine Work: Late Platonism and Religion*. P. 140.

⁷ Albrecht, M. von et al. *Jamblich, Pythagoras: Legende – Lehre – Lebensgestaltung / Eingeleitet, übersetzt und mit interpretierenden Essays versehen von M. von Albrecht, J. Dillon, M. George, M. Lurje, D. S. du Toit*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2002. S. 295–296.

⁸ Shichalin, Yu. *Op. cit.*

Л. Жерфаньон⁹ приводят отдельные примеры открытости платоников интеллектуальному влиянию христиан и настаивают на необходимости изучения позднеантичного платонизма в контексте христианства.

Жизнь Плотина, написанная Порфирием, является ключевым текстом не только для понимания судеб платонизма в III в., но и для реконструкции атмосферы взаимодействия между платониками того времени с прочими философскими школами, а также с христианами. По меткому выражению М. Эдвардса, с формальной точки зрения, *Vita Plotini* – *enfant terrible* среди античных биографий¹⁰: она начинается с болезни и смерти героя, в то время как дата и место рождения – стандартные топосы античной биографии – намеренно не упомянуты автором. *Жизнь Плотина* лежит в самом начале зарождающейся традиции платонических биографий философов. Лео, подчеркивая отличный от прочих античных биографий характер текста, усматривал в *VP* лишь эрудированное введение к критическому изданию *Эннеад*¹¹. В частности, он отметил отсутствие характерного для биографий риторического аппарата (имеющегося, например, в *Жизни Прокла* Марина), нарушение жанровых конвенций, как то: опущение сведений о месте происхождения и роде Плотина, помещение в начало *VP* эпизода с кончиной учителя, замена подробного повествования о детстве изложением эпизода с кормилицей, подчеркивание позднего начала писательства, перечисление учеников, сочинений, описание характера главного персонажа, его отношений с учениками, наконец, свидетельства его авторитетности, завершающие непосредственно жизнеописание, за которыми следует повторный перечень сочинений, а также изложение издательских принципов Порфирия¹². Этими замечаниями, собственно, и ограничивается исследователь применительно к интересующему нас тексту. В фундаментальных исследованиях жанра βίος А. Момильяно¹³, А. Дилля¹⁴, Д. Стюарта¹⁵ текст *VP* даже не упоминается.

Прорывными для исследования жанра философской биографии стали статьи А. Присснига «Литературная форма философских романов поздней античности»¹⁶ и «Биографическая форма *Жизни Плотина* Порфирия и *Жития Антония*

---

⁹ Jerphanon, L. Les sous-entendus anti-chrétiens de la Vita Plotini, ou l'évangile de Plotin selon Porphyre // *Museum Helveticum*. 1990. Vol. 47. P. 41–52.

¹⁰ *Neoplatonic saints: the lives of Plotinus and Proclus by their students* / M. Edwards, transl., comment. Liverpool: Liverpool University Press, 2000. P. XXIV.

¹¹ Leo, F. *Die Griechisch-römische Biographie nach ihrer litterarischen Form*. Leipzig: B.G. Teubner, 1901. S.262.

¹² *Ibid.* S. 263.

¹³ Momigliano, A. *The Development of Greek Biography: Four Lectures*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971.

¹⁴ Dihle, A. *Studien zur Griechischen Biographie*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1956.

¹⁵ Stuart, D. R. *Epochs of Greek and Roman Biography*. California: University of California Press, 1928.

¹⁶ Priebñig, A. Die literarische Form der spätantiken Philosophenromane // *Byzantinische Zeitschrift*. 1929/30. Bd. 30. S. 23–30.

Афанасия»¹⁷. В первой статье автор подверг композиционному анализу Филостратову *Жизнь Аполлония Тианского*, две биографии Пифагора Ямвлиха и Порфирия, а также более позднюю *Жизнь Прокла* Марина, выделив черты, отличающие неоплатонические биографии от христианских житий.

К *VP* Присниг обратился спустя сорок лет, чтобы установить соотношение более ранних неоплатонических биографий и *Жития Антония*, текста, атрибутируемого свт. Афанасию Александрийскому. А. Присниг указывает на формальное сходство двух текстов, воспевающих современников, и помещает их в линию преемства евангелиям и *Жизни Аполлония* в противовес написанной Порфирием *Жизни Пифагора* (далее – *VPyth*), продолжающей традицию стоической *Жизни Геракла* и жизнеописаний ветхозаветных патриархов. Автор удачно описывает структуру *VP*, отмечая неоднородность текста, в частности, наличие панегирических разделов, посвященных добродетелям Плотина, которые сменяют разделы, выстроенные по светониевской схеме, посвященные преподавательству, сочинениям, межшкольной полемике. Автор приходит к выводу об отличии текста *VP* от *VPyth*, что выражается в отходе от принципов, по которым Светоний выстраивал свои биографии. Отход от привычных композиционных схем выделяет произведение из круга биографий и позволяет завершить биографическую часть кульминационным свидетельством божественного статуса учителя. Вторая часть статьи посвящена выяснению степени зависимости *Жития Антония* от *VP*, которая к середине XX в. стала общим местом (Р. Рейценштайн¹⁸, Й. Лист¹⁹). А. Присниг приходит к выводу о несостоятельности такого взгляда: биографические доминанты обоих текстов кардинальным образом отличаются²⁰.

Г. Блюменталь выдвигал трехчастное деление философских биографий: биография раннего философа, написанная неоплатоником, биография неоплатоника, написанная другим неоплатоником, биография неоплатоника, написанная не неоплатоником²¹. Г. Майлс делит неоплатонические биографии на два больших класса²². К первому можно отнести биографии Пифагора: *Жизнь Пифагора* Порфирия, которая составляла важнейший раздел его *Истории философии*, и *О Пифагоровой жизни* Ямвлиха, которой открывался корпус текстов, посвященный пифагорейству. В текстах этой группы община пифагорейцев, руководимая Пифагором, стала образцом для подражания современным философским школам из

---

¹⁷ Prießnig, A. Die biographische Form der Plotinvita des Porphyrios und das Antoniosleben des Athanasios // Byzantinische Zeitschrift. 1971. Bd. 64. S. 1–5.

¹⁸ Reitzenstein, R. Des Athanasius Werk über das Leben des Antonius. Ein philologischer Beitrag zur Geschichte des Mönchtums // Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. Bd. 8. Heidelberg: Universitätsbibliothek, 1914.

¹⁹ List, J. Das Antoniusleben des hl. Athanasius des Großen. Eine literar-historische Studie zu den Anfängen der byzantinischen Hagiographie. Athen: Sakellarios, 1930. S. 60–61.

²⁰ Ibid. S. 3–4.

²¹ Blumenthal, H. J. Marinus' Life of Proclus: Neoplatonist biography // Byzantion. 1984. Vol. 54. P. 469.

²² Miles, G. Philosophers and their Neoplatonic Lives: Problems and Paradigms // The Oxford Handbook of Ancient Biography / ed. K. De Temmerman. Oxford: OUP, 2021. P. 350.

давно ушедшей эпохи²³. Вторая группа состоит из жизнеописаний современных авторам философов: самая ранняя в группе *Жизнь Плотина* Порфирия и более поздние *Жизнь Прокла, или О счастье* Марина, *Жизнеописания философов и софистов* Евнапия и *Жизнь Исидора* Дамаския. Вторая группа выделяется не только хронологической близостью героев²⁴, но и гораздо более выраженной полемичностью и напряжением между идеальным образцом и описанием конкретного человека²⁵.

Фигуры языческих «божественных учителей мудрости» представлены не в традиционном жанре энкомия, а как «неоплатонические святые», образы которых иногда прямо состязаются с образом Христа²⁶. В то же время тенденция восхвалять схоларха была характерна и для философов, составивших круг учеников и последователей христианина Оригена, который никогда не переставал заниматься философией. Особенно она заметна у двух авторов: Григория Неокесарийского, написавшего *Благодарственную речь Оригену* и Евсевия Кесарийского, посвятившего жизни Оригена всю VI книгу своей *Церковной истории*.

Отталкиваясь от важности не только сочинений, но и биографии авторитетного философа, античные экзегеты особое внимание уделяли образу жизни, который становился ключом к пониманию текстов автора²⁷. Так, биограф обращался не только к практической стороне жизни, но и описывал феномены созерцания, насколько это помогало достичь цели: не просто восстановить событийность и хронологию жизни философа, а представить словесный портрет харизматической фигуры, одновременно назидательный и соответствующий ожиданиям потенциальных читателей. И если в *Жизни Пифагора* и в других утраченных главах *Истории философии* Порфирий учил мнениям философов, прибавляя к ним биографию²⁸, то текст *VP* построен совершенно по-иному. Избегая хронологической последовательности, Порфирий организует свой рассказ как крещендо свидетельств, с постепенно возрастающей ясностью иллюстрирующих божественную природу Плотина.

---

²³ См.: Staab, G. Pythagoras in der Spätantike. Studien zu De vita pythagorica des Iamblichos von Chalkis. Leipzig, 2002. S. 441–477.

²⁴ См. Porph. *VP*. 1.1: Πλωτῖνος ὁ καθ' ἡμᾶς γεροντός...

²⁵ Анализ авторской стратегии в выстраивании упомянутых текстов см.: Miles, G. Op. cit. P. 349–362.

²⁶ Эта идея не нова. Достаточно посмотреть на заглавие книги Réville, A. Apollonius of Tyana, the pagan Christ of the third century. London: J. C. Hotten, 1866. Обсуждается она и в наше время: Cox, P. M. Biography in Late Antiquity: A Quest for the Holy Man. Berkeley: University of California Press, 1983; Edwards, M. J. (tr. and comm.) Neoplatonic saints: the lives of Plotinus and Proclus by their students. Liverpool: Liverpool University Press, 2000.

²⁷ Mansfeld, J. Prolegomena. Questions to be settled before the study of an author, or a text. Leiden, New York & Köln: Brill, 1994. P. 177–191.

²⁸ Theodor. *Graec. affect. cur.* 2.95.6–7.

Несмотря на неизменный интерес ученых к философии римского платонизма и обстоятельные статьи о Порфирии, фиксирующие современное состояние изучения Порфирия²⁹, непосредственно анализу жанровой природы *Жизни Плотина* до сих пор уделялось весьма скромное внимание³⁰.

Серьезный вклад в изучение текста *VP* внесла коллективная двухтомная монография исследовательской группы l'Unité Propre de Recherche 76 «Histoire des doctrines de la fin de l'Antiquité et du haut Moyen Âge» из Centre national de la recherche scientifique объемом в 1200 страниц для этого небольшого по объему текста³¹. Первый том, вышедший в 1982 г., стал результатом предварительной работы над текстом, включавшим в себя подробнейшие указатели греческих слов, упомянутых лиц и цитируемых Порфирием источников (Р. 13–140), в нем отмечены все актуальные на дату выхода книги издания, переводы и комментарии текста (Р. 143–186), после которых помещены статьи Р. Гуле о хронологической системе, лежащей в основе текста (Р. 187–219), М.-О. Гуле-Казе – об истории и деятельности Платиновой школы в рамках реконструкции преподавательских стратегий в философских школах той эпохи (Р. 229–329), Д. О'Браена о писательской манере Плотина, никогда не перечитывавшего то, что он написал (Р. 329–368), и уже упоминавшегося Р. Гуле об оракуле, данном Амелию о посмертной жизни Плотина и, как показывает автор, составленном не Порфирием, а скорее всего Амелием (Р. 369–413)³². Вторым том, вышедший спустя десять лет, кроме критического текста включает семь предварительных материалов о биографии Плотина, причинах издания его трактатов, о загадочном издании Евстохия, история которого до сих пор вызывает у исследователей вопросы. Установлена структура сочинения, его стилистические и синтаксические особенности. После критического текста, взявшего за основу *editio minor* Анри-Швицера, и примечаний помещены 13 статей. Они занимают вторую половину тома и раскрывают отдельные эпизоды текста. Завершается том подробной историей рецепции *VP* с XVI по XIX вв.³³

Данный двухтомник остается точкой отсчета и важным инструментом исследователя на протяжении последних десятилетий. Тем не менее, среди 25-ти статей, с разных сторон анализирующих спорные вопросы *opusculi* Порфирия, мы

---

²⁹ Chiaradonna, R., Goulet, R., Zambon, M. et al. Porphyre de Tyr // Dictionnaire des philosophes antiques. Vol. 5.II / ed. R. Goulet. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 2012. P. 1289–1325; Edwards, M. Porphyrios // Philosophie der Kaiserzeit und der Spätantike (= Grundriss der Geschichte der Philosophie), (Die Philosophie der Antike, 5/2) / hrsg. von. Ch. Riedweg, Ch. Horn, D. Wyrwa. Basel: Schwabe, 2018. S. 1327–1348.

³⁰ Из немногих работ упомянем беглый анализ структуры *VP* Р. Гуле (Goulet, R. Le Plan de la Vie de Plotin // Porphyre. La Vie de Plotin. Études d'introduction, texte grec et traduction française, commentaire, notes complémentaires, bibliographie / L. Brisson et al. (eds.). Paris: Vrin, 1992. Vol. II. P. 77–85. Далее этот том цитируем как PVP II) и детальный разбор «Оракула Аполлона» Л. Бриссона и Ж.-М. Фламан (Brisson, L., Flamand, J.-M. Structure, contenu et intentions de l'Oracle d'Apollon (VP 22) // PVP II. P. 565–617).

³¹ Porphyre: La Vie de Plotin / Eds. L. Brisson et al. 2 vols. Paris, 1982–1992 (далее цитируем как PVP).

³² Porphyre. La Vie de Plotin. Travaux Préliminaires et Index Grec Complet / L. Brisson et al. (eds.). Paris: Vrin, 1982. Vol. I. 436 p.

³³ PVP. Vol. II. 765 p.

не обнаружили разбора мотивов, по которым Порфирий взялся за написание *VP*, подробно не обсуждаются цель автора и жанр, в котором он создает *VP*. Так, Р. Гуле, анализируя структуру текста, оговаривается, что Порфирий пишет не биографию, а введение к своему изданию *Эннеад*³⁴, соглашаясь тем самым с мнением Г. Блюменталя³⁵. Однако далее французский исследователь смотрит на текст исключительно как на биографию. Нет в издании и напрашивающегося сравнения с жизнеописаниями других неоплатонических схолархов, а также не учтено, например, весьма схожее по замыслу и структуре позднейшее сочинение Посидия *Vita Augustini et operum indiculus*.

Удачный опыт анализа *VP* предложила И. Мэннлайн-Роберт, которая, желая преодолеть подход вышеописанного издания к *VP* как собранию биографических и исторических сведений о Плотине, сосредоточилась на проблеме связи *VP* и текста *Эннеад*, своеобразии композиции сочинения, его агиографической стилизации, а также роли автора³⁶. Для нас особую значимость имеет раздел об агиографической стилизации, которую автор увязывает с полемикой с Ямвлихом. Но возможность полемической адресованности христианам, доказательство чего и составляет задачу нашего исследования, автором всерьез не рассматривается. Важным наблюдением исследовательницы является полемическая рецепция *VP* Марином, биографом Прокла, который во многом ориентировался на *VP*, но переосмыслил его репрезентацию учителя³⁷.

В отличие от Порфирия с его *Жизнью Плотина* Амелий – фигура, не избалованная вниманием исследователей. Если труды Порфирия Тирского, согласно библиографической базе L'Année philologique по состоянию на 2022 г., так или иначе затронуты в 1027 статьях, то Амелию посвящены лишь 25 статей. Это объясняется крайне фрагментарным состоянием дошедших от него сочинений и низкой оценкой его философского наследия³⁸. Однако в позднейших исследованиях его стали ценить главным образом за учение о трех интеллектах, в котором он представляет независимую интерпретацию платиновских наставлений. Для наших целей наибольший интерес представляют исследования его понимания

---

³⁴ Goulet, R. Le Plan de la Vie de Plotin // PVP. Vol. II. P. 77.

³⁵ Blumenthal, H. Op. cit. P. 471.

³⁶ Männlein-Robert, I. Biographie, Hagiographie, Autobiographie. Die Vita Plotini des Porphyrios // Metaphysik und Religion. Zur Signatur des spätantiken Denkens / hrsg. von M. Erler und T. Kobusch, unter Mitwirkung von I. Männlein-Robert. München; Leipzig: K.G. Saur, 2002. S. 581–609.

³⁷ Ibid. S. 604–606.

³⁸ См. мнения Целлера (Zeller, E. Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung. 3 Theil. 2 Abtheilung. Die nacharistotelische Philosophie / 2. Hälfte / dargestellt von Dr. E. Zeller. 3 Aufl. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1881. S. 688–692) и Фрейденталя (Freudenthal, J. Amelius // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. I 2. Neue Bearbeitung / hrsg. von G. Wissowa et al. Stuttgart: Metzler, 1894. S. 1823). Из современных исследователей – Дж. Диллона (Dillon, J. Plotinus at work on Platonism // Greece & Rome. 1992. Vol. 39 (2). P. 191).

Логоса и, в частности, толкования на пролог *Евангелия от Иоанна*, которому посвящены исследования Дюроффа³⁹, Мраса⁴⁰, Риста⁴¹, Дёрри⁴², Бриссона⁴³, Хальфвассена⁴⁴, Диллона⁴⁵, Фолленвайдера⁴⁶, Ридвега⁴⁷ и Заморы⁴⁸.

Интересующий нас текст *IP* принято относить к жанру ареталогии, описывающей биографию одаренного сверхъестественными способностями «божественного мужа»⁴⁹. Однако внутри ареталогии выделяются довольно значительные различия в образе учителя, даже внутри творчества одного автора: например, *Жизнь Пифагора* Порфирия гораздо ближе по тематике к *Жизни Пифагора* Ямвлиха и его жизнеописанию у Евнапия (подчеркнутые теургия, экстаз), чем к *Жизни Плотина* самого Порфирия (интеллектуал и учитель)⁵⁰.

Д. Тид обратил внимание на неоднородность биографии и выделил два типа «божественного мужа»: философ, движимый разумом, и философ-чудотворец⁵¹ – типы, объединившиеся лишь во II в. под воздействием синкретизма. Однако автор, при обилии привлеченных источников и охваченной библиографии, не задается вопросом о генезисе двух выделенных типов. Не могли ли они, как в случае Эмпедокла, Геракла в описании Платона, киников и стоиков, восходить к первоначальному типу «божественного мужа», наделенного сразу чудотворением и мудростью?

П. Кокс, полемизируя с Тидом, разграничивает биографии не по степени «чудесности», а по типу отношения к Божеству: «сын Бога» (тип Пифагора у

---

³⁹ Dyroff, A. Zum Prolog des Johannes-Evangeliums // Klauser, Th., Rucker, A. (hrsg.). *Pisculi. Studien zur Religion und Kultur des Altertums*. Franz Joseph Dölger zum sechzigsten Geburtstage. Münster: Aschendorff, 1939. S. 88–93.

⁴⁰ Mras, K. Die Stellung der Praeparatio Evangelica des Eusebius im antiken Schrifttum // *Abhandlungen der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse*. 1956. Bd. 93. S. 212–213.

⁴¹ Rist, J. M. St. John and Amelius // *Journal of Theological Studies*. 1969. Vol. 20 (1). P. 230–231.

⁴² Dörrie, H. Une exégèse néoplatonicienne du Prologue de l'Évangile de saint Jean (Amélius chez Eusèbe) // *Épektasis: Mélanges patristiques offerts au cardinal Jean Daniélou*. Paris: Beauchesne, 1972. P. 75–87.

⁴³ Brisson, L. Amélius: Sa vie, son oeuvre, sa doctrine, son style // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1987. Bd. II 36,2. P. 840–843.

⁴⁴ Halfwassen, J. Die Bedeutung des spätantiken Platonismus für Hegels Denkwicklung in Frankfurt und Jena // *Hegel-Studien*. 1998. Bd. 33. S. 112–144; Idem. *Hegel und der spätantike Neuplatonismus. Untersuchungen zur Metaphysik des Einen und des Nous in Hegels spekulativer und geschichtlicher Deutung*. Bonn: Bouvier Verlag, 1999. S. 76–78.

⁴⁵ Dillon, J. St John in Amelius' Seminar // Eds. P. Vassilopoulou, S. Clark. *Late Antique Epistemology: Other Ways to Truth*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 30–43.

⁴⁶ Vollenweider, S. Der Logos als Brücke vom Evangelium zur Philosophie. Der Johannesprolog in der Relektüre des Neuplatonikers Amelios // Eds. A. Dettwiler, U. Poplutz. *Studien zu Matthäus und Johannes: Festschrift für Jean Zumstein zu seinem 65. Geburtstag*. Zürich: Theologischer Verlag, 2009. S. 377–397.

⁴⁷ Riedweg, C. Aspects de la polémique philosophique contre les chrétiens dans les quatre premiers siècles. *Conférences de l'année 2014–2015 // Annuaire de l'École pratique des hautes études (EPHE), Section des sciences religieuses. Résumé des conférences et travaux*. 2016. Vol. 123. P. 151–158.

⁴⁸ Zamora, C. J. M. The Christ-Logos question in Amelius // *Schole*. 2018. Vol. 12.2. P. 1–15.

⁴⁹ Toit, D. S. du. Theios Anthropos: Zur Verwendung von θεῖος ἄνθρωπος und sinnverwandten Ausdrücken in der Literatur der Kaiserzeit. Tübingen: Mohr Siebeck, 1997. S. 23–24.

⁵⁰ Fowden, G. The Pagan Holy Man in Late Antique Society // *Journal of Hellenic Studies*. 1982. Vol. 102. P. 37.

⁵¹ Tiede, D. L. *The Charismatic Figure as Miracle Worker*. Missula: University of Montana, 1972. P. 5.

Ямвлиха и Порфирия, Аполлоний Тианский Филострата) и «богоподобный философ» (Ориген у Евсевия и Плотин у Порфирия), относя топику «чудесного» к первому типу⁵².

Важное место в изучении жанра ареталогии занимает диссертация Е. В. Желтовой «Античная традиция о персидских магах Зороастре, Остане и Гистаспе»⁵³. Е. В. Желтова справедливо отмечает ущербность такого разделения внутри жанра биографии, не находящего подтверждения в самих текстах, и решается говорить лишь о преобладании «чудесного» в биографиях, относимых к типу «сын Бога»⁵⁴.

Для доказательства ареталогического характера греко-римских свидетельств о персидских магах исследователь проанализировала основные подходы к жанру ареталогии и выработала т. н. «ареталогический стереотип» для установления жанровой природы литературных произведений, который помогает объективно подойти к установлению жанровой природы анализируемого текста. Установленный автором набор ареталогических признаков, примененный к 22-м текстам биографического типа⁵⁵, которые считаются в рейценштейновской школе ареталогиями, показывает, что *Жизнь Плотина* нельзя считать ареталогией в строгом смысле слова, но лишь текстом с набором отдельных признаков ареталогического жанра⁵⁶.

Однако Е. В. Желтова не отметила применительно к *VP* признак аскезы, включающей в себя воздержание от животной пищи, что было характерно для Плотина и восхваляемого им Рogaциана⁵⁷. Обратим внимание, что другие признаки ареталогического жанра приложимы к Плотину со знаком минус: первые пять признаков находят соответствие в нежелании Плотина говорить о своем происхождении, родине и родителях⁵⁸. Признаку «необычные способности ребенка, его духовная и физическая красота» соответствует рассказ о том, как он до восьми лет питался молоком кормилицы и раскрывал ей груди, но прекратил, только когда его назвали «гадким мальчиком»⁵⁹. Далее, признак «Путешествие на восток и знакомство с величайшими мудрецами других народов» находит соответствие в рассказе о том, как Плотин отправился на Восток, но не имел возможности познакомиться с тамошними мудрецами, едва спасшись от смерти после убийства Гордиана III⁶⁰. Признак «Высокий авторитет и слава героя» в *VP*

---

⁵² Cox, P. M. *Biography in Late Antiquity: A Quest for the Holy Man*. Berkeley: University of California Press, 1983. P. 34.

⁵³ Желтова, Е. В. *Античная традиция о персидских магах Зороастре, Остане и Гистаспе*. СПб.: Изд-во С.-Петербурга ун-та, 2011.

⁵⁴ Желтова, Е. В. *Античная традиция о персидских магах Зороастре, Остане и Гистаспе*. С. 29–30.

⁵⁵ Там же. С. 24.

⁵⁶ Там же. С. 35.

⁵⁷ Porph. *VP*. 7.31–46; 8.19–23.

⁵⁸ Porph. *VP*. 1.2–3; 2.37–40.

⁵⁹ Porph. *VP*. 3.2–6.

⁶⁰ Porph. *VP*. 3.21–22.

претерпевает ту же трансформацию: Порфирий говорит, что занятия Плотина были полны болтовни⁶¹, а его поздние сочинения гораздо слабее тех, что написаны в его пребывание в школе⁶²; Плотина обвиняли в плагиате⁶³, также он краснел и отказывался говорить перед товарищем по школе Аммония⁶⁴.

Жанровая неопределенность текста, его отличия как от установок биографического жанра, так и от вырабатываемых в ареталогической литературе, ставят вопрос об избранной автором позиции и адресованности текста оппонентам Порфирия, христианским философам. Недостаточная изученность взаимодействия, как личного, так и литературного, возглавляемой Плотинем философской школы III в. с христианами определяет актуальность настоящего исследования.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования выступает *Жизнь Плотина*, содержащая примеры взаимодействия с христианской топикой одного из учеников плотиновской школы, открытой для христианского нарратива. Другой причиной преимущественного внимания к *Жизни Плотина* Порфирия для решения поставленной проблемы является репрезентация руководителя школы не в традиционном жанре энкомия, но в виде рассказа о нем как о языческом «божественном учителе», «неоплатоническом святом», образ которого состязается с образом Христа. Наряду с *VP*, проанализированы немногочисленные сохранившиеся фрагменты Амелия, а также жизнеописание Оригена, содержащееся в VI книге *Церковной истории* Евсевия Кесарийского, его же XI кн. *Евангельского приуготовления* и *Благодарственная речь Оригену* Григория Неокесарийского.

Предмет исследования – саморепрезентация платоников перед лицом христиан, проявившаяся на уровне топики и жанровых примет христианской литературы в тексте *Жизни Плотина*.

Цели и задачи работы

В рамках работы над диссертацией соискателю удалось достигнуть цели исследования — установить литературный, философский и богословский контекст и определить его значение в становлении таких фигур, как Амелий и Порфирий.

---

⁶¹ Porph. *VP*. 3.37.

⁶² Porph. *VP*. 6.34–37.

⁶³ Porph. *VP*. 17.1–6.

⁶⁴ Porph. *VP*. 14.20–25.

Соискателем разрешены следующие **задачи**:

1) Реконструирована история возникновения и бытования термина «неоплатонизм», а также описаны разные подходы к изложению позднеантичного платонизма с особым вниманием к доминирующему в историографии подходу Э. Доддса.

2) Определена высокая степень открытости философских школ II в. взаимовлиянию на основании анализа текстов платонизирующих мыслителей, релевантных для понимания философских установок школы Плотина и представленных фигурой Нумения Апамейского, текстами *Герметического корпуса*, гностицизма, *Халдейских оракулов*, а также эллинизированного иудаизма и христианства.

3) На основании *VP* реконструирована саморепрезентация кружка Плотина, открытого для разного рода литературных воздействий, в том числе христианских.

4) Выявлено сходство образа Плотина, созданного Порфирием, с образом Оригена, которого изобразил свт. Григорий Неокесарийский, а также специфический характер *Жизни Плотина*, отличающий его от схожих по жанру произведений.

5) Определены методы работы Амелия с текстом Священного Писания христиан на примере анализа его толкования на пролог *Евангелия от Иоанна* и предложена реконструкция известной ему христологии.

6) Установлена имплицитная полемика Порфирия против христиан в *Жизни Плотина*, а также полемический адресат данного текста.

7) Определена специфически христианская терминология и топики, использованная Порфирием при составлении жизнеописания учителя.

Методология

В исследовании использованы как общенаучные методы анализа и синтеза, сравнения и обобщения, так и собственно историко-филологический метод, сочетающий изучение жанровой природы и сюжетно-смысловой организации текста с исследованием лексики, а также с моделированием историко-литературной ситуации создания *Жизни Плотина*, которая рассматривается не изолированно или исключительно в рамках философских текстов своего времени, но с привлечением широкого контекста литературных источников разных жанров. Отталкиваясь от обнаруженных с помощью корпуса греческих текстов *Thesaurus Linguae Graecae* текстуальных совпадений, как правило, можно переходить к установлению других линий пересечения с выявленными авторами. Открытость платонических школ христианскому влиянию фундирована выявленными сюжетно-смысловыми и стилистическими связями с христианской литературой. Помимо этого, сам текст Порфирия рассматривается изнутри (композиционные блоки) и

в соотношении с другими сочинениями сходной жанровой ориентации, в результате чего и осознается его специфика. Помещение *Vita Plotini* Порфирия в релевантный историко-литературный контекст с помощью как историко-генетического, так и герменевтического метода способствует раскрытию сложных взаимоотношений христиан и язычников в эпоху формирования ключевых для обоих школ жанров жизнеописания и комментария.

Научная новизна

Научная новизна диссертации состоит в преодолении стереотипа о платониках этого времени как о представителях некоей самодовлеющей и замкнутой интеллектуальной среды, которая в таком случае оказывается совершенно лишённой исторического измерения; результаты исследования впервые позволяют адекватно воссоздать определенную историческую ситуацию, побудившую Порфирия написать *VP*. Помещение текста в соответствующий историко-литературный контекст позволяет раскрыть сложное взаимоотношение христианских и языческих интеллектуалов в эпоху формирования жанров христианской литературы. Данное исследование реконструирует взаимозависимость христианских литературных и богословских сочинений, с одной стороны, и произведений, созданных членами школы Плотина, с другой, с точки зрения выявления влияния христиан на платоников. Платоники не только критикуют христианские произведения, но и усваивают их характерные черты литературного свойства; сочувственный либо критический разбор священных текстов христиан на занятиях внутри философской школы стимулировал формирование платониками собственного канона авторитетных внутри школы текстов; в платонизме также развивается представление о философском преемстве, испытавшее влияние христианского концепта апостольского преемства, и обнаруживаются прочие примеры усвоения христианской богословской топики (см. §§ 4.5.3 и 4.6 диссертации).

На основании сопоставления *Vita Plotini* Порфирия с христианской литературой соответствующего периода (Eus. Caes. *Hist. eccl.*, *Praep. ev.*; Greg. Thaum. *Paneg.*) и последующими ареталогическими жизнеописаниями платоников мы уточнили бытование концептов θεῖος ἀνὴρ и θεῖος σοφιστής, которые, относясь к руководителю философской школы, должны были обозначить его не только учебный, но и духовный авторитет. Анализ конструируемых у платоников и христиан образов учителя (Оригена и Плотина) позволил воссоздать философскую конкуренцию платоников и христиан в III в.

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она предлагает отказаться от традиционного рассмотрения литературного наследия платоников в

рамках выделяемых в научной литературе школ позднего платонизма и демонстрирует необходимость учитывать гораздо более широкий и разнообразный историко-литературный контекст, равно значимый для корректного понимания текстов как языческих философов, так и христианских авторов.

Практическая значимость работы определяется тем, что ее выводы и исследовательская стратегия могут привлекаться при создании курсов лекций, спецкурсов и спецсеминаров по истории позднеантичной литературы, античной философии, патрологии, а также при написании учебных пособий по истории раннехристианской литературы и при составлении историко-филологических комментариев к сочинениям Порфирия и Плотина.

Положения, выносимые на защиту

На защиту выносятся следующие положения:

1) Деление истории платонизма на средний платонизм и неоплатонизм ныне мешает исторически корректному представлению о литературном и интеллектуальном взаимодействии языческих философских школ между собой и с христианскими школами.

2) В эпоху Второй софистики христианские авторы не только воспринимали элементы эллинской философии, но и сами стали заметной силой в кругу интеллектуалов, литераторов и философов, и уже во II в. вызвали критику платоников Кельса, Апулея, стоика Марка Аврелия, киника Крескента, Лукиана; это вынуждало христиан полемизировать с языческими оппонентами, а также разрабатывать собственное учение. Проанализированные в исследовании авторы II–III вв. создают школы, в которых читались не только авторитетные для данной школы тексты, но и тексты философских оппонентов. Поэтому в школах и язычников, и христиан составляются библиотеки, в которых были представлены авторы разных направлений. При этом сами школы мыслились как место, в котором человек, толкуя богооткровенные тексты (библейские – у христиан, либо у платоников – тексты Платона, но также и оракулы), может достичь спасения.

3) Начиная со II в. в поле зрения равно и христиан, и платоников, входят сочинения Филона Александрийского, которые воспринимаются и на литературном уровне, и на уровне идей; в частности, Филон оказал существенное влияние на Нумения Апамейского, чьи воззрения были хорошо знакомы как Оригену и Евсевию, так и Плотину, Амелию и Порфирию; в частности, и те, и другие воспринимают аллегорические стратегии предшественника. Аммоний Александрийский – еще одна важная фигура, оказавшая определяющее влияние как на Плотина, так и на Оригена, которые, став основателями школ, имели экстраординарный авторитет уже у своих учеников Порфирия и Григория Неокесарийского, соответственно.

4) В *Жизни Плотина* Порфирий изображает своего учителя как «божественного мужа», мудреца, посланного в мир, чья душа нисходит и воплощается, сообщая тем самым божественную мудрость ученикам и наставляя их на пути спасения, а после смерти восходит в общество блаженных, где Плотин занял место рядом с предшественниками, божественными Пифагором и Платоном. Но в этом изображении Плотина присутствует как скрытое противопоставление образу Спасителя у христиан, так и очевидная полемика с учениками Оригена, изображавшими своего наставника «божественным человеком», ведущим ко спасению (Григорий Неокесарийский, Евсевий Кесарийский).

5) Открытость римской платонической школы как диспутациям с христианами, так и христианским сочинениям способствовала формированию представления не только о личной святости главы школы, но и о святости платонического преемства, передающего от поколения к поколению богооткровенную истину, прежде (в эпоху скептиков) сокрытую от платоников и сообщаемую Плотиним через своего ученика Порфирия.

6) Христианское учение о Логосе занимало важное место среди тем, разбираемых на занятиях Плотина. Это видно как по сочувственному толкованию Амелием пролога к *Евангелию от Иоанна*, так и по критическому прочтению Порфирием Оригенова *Толкования на Евангелие от Иоанна*, где так же, как и у Амелия, Логос упоминался в связке с фигурой Гераклита. Амелий был знаком с докетистскими толкованиями Священного Писания христиан, распространенными в Риме во II–III вв., что видно по принадлежащему ему толкованию на пролог *Евангелия от Иоанна*. Готовность Амелия вместить в поле философского рассмотрения внешний для платонической пайдеи текст пролога *Евангелия от Иоанна*, отождествившего Логос с Иисусом Христом, не только свидетельствовал о вхождении проблематики христианского богословия в круг интересов внешних по отношению к нему мыслителей, но и задал саму возможность вывести дискурс о Логосе как о посреднике в сотворении из замкнутой области иудео-христианского богословия и возвысить до уровня передового философского дискурса.

7) Среди учеников Плотина очевидным образом была конкуренция за право представлять авторитет учителя, что видно как по критическому изображению Амелия в *Жизни Плотина*, так и по подготовленному Порфирием новому изданию трактатов Плотина, которое должно было заменить издание Амелия, излишне, с точки зрения Порфирия, открытого христианской философии.

8) О том, что Порфирий владеет уже существующей традицией христианской мысли и соответствующей терминологией, можно судить, в частности, на основании употребления у него термина «ипостась» в духе знакомого ему с юности Оригена, которого он считает серьезным философом, но критикует за отступление от философской ортодоксии. Полемизируя со сложившимся у христиан образом Оригена как авторитетного духовного наставника и философа, Порфирий

создает *Жизнь Плотина*, служившую герменевтическим прологом к «канону» платиновских *Эннеад*. Это издание Порфирия представляло собой проект новой философии, избавленной как от прежних заблуждений эллинистической философии, так и от притязаний «новых еретиков», христиан.

Апробация работы

Материалы и предварительные результаты исследования были представлены к обсуждению на следующих международных, всероссийских и региональных научных конференциях: Международная научная конференция «Гомер сквозь века» (Москва, ПСТГУ, 2020); Национальная научная студенческая конференция «Актуальные вопросы современной богословской науки (Сергиев Посад, МДА, 2020, 2022); And the Word Became Image. Seminar with Prof. John Behr. (Bern, University of Aberdeen, 2021); Круглый стол «Духовная власть в христианской традиции: ключевые понятия» в рамках проекта ЛИЦИ ПСТГУ «Носители духовной власти в византийской письменности: историко-понятийный аспект» (Москва, ПСТГУ, 2022); Межвузовская научная конференция для слушателей аспирантуры «Современная богословская наука» (Сергиев Посад, МДА, 2022); Всероссийская Покровская Академическая научно-богословская конференция (Сергиев Посад, МДА, 2022); IV Международная конференции «Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2022); Конференции «Греко-латинская лингвокультурология. Современные акценты преподавания классических дисциплин: лингводидактика и лингвокультурология» (Москва, МГУ, 2023); Международная конференция «Индоевропейское языкознание и классическая филология» (чтения памяти профессора И. М. Тронского) (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2023), а также на открытом заседании кафедры классической филологии филологического факультета МГУ (Москва, МГУ, 2023).

Результаты исследования учитываются автором диссертации в читаемом в ПСТГУ курсе «Жанры позднеантичной литературы» и «Неоплатонические тексты в контексте эпохи».

Структура работы

Диссертация состоит из введения; основной части, которая содержит четыре главы; заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** дана общая характеристика диссертации, описана ее структура и содержание, изложены основные проблемы исследования, сформулированы его предмет, цель и задачи, решение которых способствует достиже-

нию цели. Проанализированы имеющиеся исследования интересующего нас текста, описана методология нашего исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, указана теоретическая и практическая значимость работы, степень достоверности результатов исследования, а также апробация результатов.

ПЕРВАЯ ГЛАВА «Историографические штампы в исследовании позднеантичной литературы» носит теоретический характер и описывает магистральные подходы в исследованиях литературных связей между текстами христиан и языческих авторов. В **пп. 1.1–1.5** проанализирована история выделения отдельных этапов в бытовании позднеантичного платонизма (средний и новый платонизм), установлены причины попыток такого разделения, а также приведены примеры, когда источники не могут быть точно классифицированы в рамках ставших привычными дистинкций. После указания на проблемный характер термина «неоплатонизм», создающий представление о герметичности школы Плотина к христианскому воздействию, в **п. 1.6** представлены исследовательские парадигмы, которые либо игнорируют христианство как значимый субъект интеллектуальной жизни (Доддс и его последователи), либо исследуют христианство без серьезного сопоставления с языческой философией, усматривая в христианах подражателей языческих форм либо с критических (Гарнак), либо с одобрительных позиций (Флоровский). Проанализировав существующие подходы к позднеантичной литературе и конкретно к неоплатоническим текстам, мы пришли к выводу о неадекватности историографического штампа о закрытости платонической школы для христианской топики. В **п. 1.7** представлены выводы по первой главе. Таким образом, первая глава диссертации показала актуальность методологического подхода, проводимого автором в данном исследовании и требующего учитывать христианских авторов и написанные ими тексты в межшкольных платонических диспутациях, без которых представление о литературном процессе III в. будет неполным.

Далее, во **ВТОРОЙ ГЛАВЕ «Межшкольное взаимодействие и философская полемика на общем интеллектуальном поле во II в.»** мы обратились к анализу религиозно-философской литературы II в., которая находилась в поле зрения как платоников, так и христиан III в. Мы проанализировали фигуру Нумения Апамейского (**п. 2.1**), испытавшего, как мы показали, влияние значимого для христиан Филона Александрийского, и знакомого с библейскими текстами и, вероятно, с гностическими системами (с Апамеей были связаны гностики Алквиад, Василид, элхасайты; в ней бывали Маркион, Валентин). Нумений станет ключевым автором для интересующей нас эпохи: он будет авторитетен в римской платонической и кесарийской христианской школе, о чем будут говорить как сами схолахи (Плотин и Ориген), так и их ближайшие ученики.

К ярким примерам синкретических текстов в эту эпоху можно отнести проанализированный в п. 2.2. *Герметический корпус*, имеющий сближения с Филоном, Нумением, *книгой Бытия*, гностиками, а также среднеплатонической традицией. Тексты герметиков были известны в христианской среде (Афинагор, Тертуллиан, позднее Лактанций) и привлекались некоторыми авторами для легитимизации христианского учения о Троице, о сотворении мира и его конце. В позднем платонизме интерес к герметическим текстам заметен лишь начиная с Ямвлиха. Второй пример межшкольного взаимодействия дают гностические авторы (п. 2.3), предельно открытые еврейской апокалиптической литературе и платонизму (например, учение об эманации у Василида в духе Нумения и Евдора, пифагореизация космологии у Валентина, соединение Гераклита и *книги Бытия* в *Великом откровении* Симона Волхва). Тексты гностиков были хорошо известны более поздним христианским и платоническим авторам, полемизировавшим с их воззрениями. Иногда гностики оказывали влияние на своих оппонентов, что видно из ортодоксального *Послания Варнавы*, или, как показало недавнее исследование Мазура, на Плотина, чье мистическое соединение с Единым имеет сходство с гностическими практиками сефиан. Как бы ни относиться к выводам Мазура, нельзя отрицать, что гностики посещали школу Плотина, который не только сам спорил с ними, но вовлекал в дискуссии Амелия и Порфирия.

П. 2.4 посвящен *Халдейским оракулам*, которые появились во второй половине II в., испытав, как и предыдущие авторы, сильное влияние современного платонизма (учение о божестве и устройстве вселенной), гностицизма, магических практик. Схожесть строения метафизической системы у гностиков, в *Герметическом корпусе* и *Халдейских оракулах*, в каждом из которых наличествует как иерархия от высшего принципа до материи, как представление о том, что Демиург отличен от Абсолюта, так и представление о душе, ее ниспадении в материю, ее пути спасения, указывает на общий интеллектуальный горизонт II в., нашедший схожие проявления как у платоников, так и у мистически настроенных сект и движений. У учеников Плотина оракулы, противостоящие христианам с их обращением к ветхозаветной пророческой литературе и гностическим апокалипсисам, приобретают важное значение. Влияние *Халдейских оракулов* на поздний платонизм было настолько значительным, что это собрание текстов некоторые ученые назвали «Библией неоплатоников»⁶⁵.

П. 2.5. специально посвящен анализу полемики и взаимодействия языческих и христианских философов II в. Взаимодействие раннехристианских авторов с «внешней» литературой – давняя и плодотворная сфера научных изыска-

---

⁶⁵ Впервые назвал Ф. Кюмон: Cumont, F. *Oriental Religions in Roman Paganism*. Chicago: Open Court Publishing Company, 1911. P. 256, n. 66. Суждение повторили В. Тайлер и А. Саффрей: Theiler, W. *Die chaldäischen Orakel und die Hymnen des Synesios*. Halle: Max Niemeyer Verlag, 1942. S. 1; Saffrey, H. D. *Les néoplatoniciens et les 'Oracles chaldaïques'* // *Revue d'Études Augustiniennes et Patristiques*. 1981. Vol. 27. P. 209.

ний. Начиная с ап. Павла (п. 2.5.1), знакомого со стоической философией и классической литературой, и далее в лице апологетов (п. 2.5.2), часто обращенных язычников (Аристид, Иустин, Татиан и проч.), прошедших общую для всех школьную выучку и защищавших «истинную философию» то с подчеркнутой настороженностью к позиции адресата (например, Татиан и Ерм), то инклюзивно, как делал Климент Александрийский, цитирующий не только библейские тексты, но и Платона и трагиков.

Откликом в языческом лагере служат проанализированные свидетельства Апулея о распутной и дурной нравом женщине, которая собрала в себе те черты, которые в то время приписывались христианам (Apuł. *Metamorph.* 9.14.). Еще одним образчиком отклика на христианские тексты выступают сочинения Лукиана Самосатского (п. 2.5.4), в частности его сатира на «распятого софиста» Перегринна. Описывая функционирование христианской общины, Лукиан показывает хорошее знакомство с христианскими реалиями, которые он выводит, прибегая к характерной именно для христиан лексике и ходам мысли (сопоставление мучеников и Сократа в темнице; эпизод с чтением в темнице священных текстов, характерный для раннехристианских мученических актов; посольства христианских общин к заключенному Перегрину пародийно откликаются на этапирование в Рим свт. Игнатия Антиохийского, а самосожжение Перегринна – отклик на мученичество свт. Поликарпа Смирнского и т.п.). Таким образом, Лукиан не просто знаком с христианами в социальном плане, но знает и использует их тексты, которые должны убедительно показать чуждость Перегринна классической греческой культуре.

Еще более значительным полемическим откликом выступает *Истинное слово* Кельса (п. 2.5.5), которое исходит из убеждения в том, что изначальная истина была открыта восточным народам, всем, кроме иудеев, которых он представляет узкими, ущербными и самонадеянными. Пылкая критика евреев нужна была автору, чтобы лишить его главных оппонентов, христиан, возможности апеллировать к древности своей традиции. На предельную полемическую заостренность текста указывает тот факт, что носителями древней истины у Кельса не выступают, в отличие от Нумения, евреи, и в то же время антихристианские аргументы Кельс вкладывает в уста еврея. Кроме апелляции к древности, Кельс опровергает и саму систему вероучения христиан, показывая ее несостоятельность. Автор явно опасается, что христиане, отвергая диалектику и апеллируя к вере, нанесут ущерб истинной философии. Ответственность задачи подвигает Кельса использовать кодексы самих христиан, что является подтверждением, что в эпоху Второй софистики христианство уже присутствовало не только в общественной сфере, но и было заметным явлением в кругу интеллектуалов и философов.

Для эпохи характерна фигура Иустина Философа (п. 2.5.3), на которого реагировал Кельс, прошедшего путь от стоицизма к перипатетикам, от пифагорейства к платонизму, что указывает на все более возрастающий философский синкретизм, создававший почву для единого интеллектуального поля, в котором христианство начинает восприниматься как еще одна философская школа, истинная и основанная на откровении Логоса. Основой для диалога с язычниками становилась теория плагиата греков у евреев, а также представление о семенах Логоса. Для нас важно, что школа Иустина была полемична, что видим по заглавиям его нескольких утраченных сочинений. Внутри школы Иустина, бесплатной, как позднее у Плотина или Оригена, проводились дебаты, читались и толковались авторитетные тексты. Результатом деятельности школы Иустина стала богословская система автора, основанная не только на новозаветных текстах, но и на философских категориях. Это видно в его учении о Логосе, представленном в платонических формулах, но в то же время наполненным неприемлемыми для оппонентов акцентами на личностной природе Логоса, воплощенном в лице Иисуса Христа. Важный для христиан и язычников Нумений жил в одно время и в одном городе с Иустином, отстаивавшим свое видение философии, основанной на Откровении Логоса. Не только Нумений, как мы показали, был знаком с Филоном Александрийским, но и Иустин, единственный из платоников II в., кто прибегает к аллегории, заимствует у Филона аллегорический метод и излагает собственное учение о Логосе в формулировках, совместивших Откровение и философские категории. Иустин проводит связь между библейским рассказом о творении и *Тимеем* Платона. Учение Иустина о семенных логосах позволяло христианам заявить права на всю предшествующую философскую традицию, подводя тем самым фундамент для христианской веры. Притязания на всю эллинскую традицию, убежденность, что все, кто жил согласно с Логосом, – христиане (не только Моисей и Авраам, но и Гераклит с Сократом), создавали точку напряжения и бросали вызов хранителям классической традиции, побуждая их обращаться к христианским текстам в желании опровергнуть притязания новоявленных философов, что видно не только на примере трактата Порфирия *Против христиан*, но и в гораздо более сдержанном и почтительном обращении с конкурирующей традицией у Амелия.

П. 2.5.6 посвящен параллельным в платонизме и христианстве практикам составления канона авторитетных книг. В п. 2.6 представлены общие выводы по главе.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА «Расширение кругозора платоников: Плотин и Амелий» по предмету рассмотрения делится на две части, каждая из которых посвящена двум ключевым фигурам школы: схоластику Плотину и его ближайшему ученику Амелию. В п. 3.1 рассматривается биография Плотина с акцентом на пери-

оде учебы у Аммония (общей точкой пересечения жизненных траекторий Плотина и Оригена). Специально рассмотрено устройство школы, приход Порфирия в школу и составленное им издание *Эннеад*. Параграф носит дескриптивный характер, изложенный в нем материал призван снабдить нас фоном для последующего анализа авторской стратегии Порфирия в изображении божественного характера схоларха. **П. 3.2** посвящен Амелию: проанализированы немногие сведения о его биографии, деятельности в школе Плотина (**п. 3.2.1**), его апологетические усилия по защите авторитета Плотина и его же отличие от Порфирия: бóльшая религиозность и открытость мудрости, внешней по отношению к платонической традиции. В **п. 3.2.2** специально рассмотрен вопрос об издании трактатов Плотина Амелием, с которым, как показано, Порфирий своим изданием намерен был конкурировать.

В **п. 3.2.3** устанавливаются литературные источники Амелия и, кроме очевидной зависимости от Нумения, рассмотрен вопрос о его знакомстве с сочинениями Иустина Философа и Филона Александрийского (пусть и при посредстве Нумения, который с произведениями Филона, как показано, мог быть знаком). Сочинения Филона стали еще одной общей опорной точкой для обеих школ: знакомые платоникам, они были сохранены именно христианами. Перед нами выстраивается следующая картина: (1) Филон > (2) Нумений и Иустин > (3) Ориген и Плотин, а также Амелий и Порфирий, – все так или иначе связанные с Александрией, Апамеей, Римом. Эту традицию хорошо знает Евсевий Кесарийский, ученик ученика Оригена Памфила, писавший в его защиту и в то же время обильно цитировавший всех названных платоников.

Как и Нумений, Амелий интересовался не только древним философским наследием, но и поднимал проблему Логоса, важнейшую как для Филона Александрийского, так и для христианского богословия. Так, Амелий привлекал христианские источники, истолковывая пролог к *Евангелию от Иоанна* и черпая знания о (пара)христианских богословских представлениях из бесед с гностиками, посещавшими школу Плотина в Риме и подвергавшимися критике как самого Амелия, так и Плотина с Порфирием.

П. 3.2.4 посвящен фрагменту толкования на пролог *Евангелия от Иоанна*, принадлежащего Амелию. Текст проанализирован на уровне идей и лексики: показана избирательность Амелия при работе с христианским текстом, переосмысление текста в платоническом духе, освобождение текста от христианского понимания воплощения и благодати. Таким образом, христианское понимание Логоса разбиралось в школе Плотина. Амелий, интересовавшийся вслед за Нумением восточными культурами, иудейскими и халдейскими сочинениями, мог постараться расширить круг читаемых и разбираемых на занятиях в Платиновой школе текстов, смягчая и обходя скандальные с точки зрения платоников стороны христи-

анского вероучения. Это видно как по сочувственному толкованию Амелия пролога к *Евангелию от Иоанна*, так и по критическому прочтению Порфирием Оригена *Толкования на Евангелие от Иоанна*, где у Порфирия (как и у Амелия, и еще ранее у христианского апологета Иустина) Логос упоминался в связке с фигурой Гераклита. В п. 3.2.5 обсуждаются причины внимания Амелия к христианскому священному тексту, уточняется специфика понимания Логоса Амелием и сравнивается восприятие Логоса у Порфирия и Амелия. П. 3.2.6 посвящен источникам знакомой Амелию христологии, по своему характеру докетической. Эти взгляды, как показано в параграфе, он мог усвоить в Риме от последователей Феофота Кожевника и Артемона или позднее от Павла Самосатского в Пальмире, где Амелий побывал по пути в Апамею. В п. 3.3 представлены выводы по главе.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА «Автор *Vita Plotini*: Порфирий как критический собеседник христиан» посвящена Порфирию и его авторской стратегии при написании *VP*. В п. 4.1.1 представлена биография Порфирия, с особым акцентом на его связях в юности с христианскими кругами и, в частности, со школой Оригена. В п. 4.1.2 проанализирована литературная деятельность Порфирия уже в школе Плотина. В п. 4.2 представлен жанровый обзор сочинений Порфирия и выделена группа текстов, важная для отражения полемики Порфирия с христианами.

П. 4.3 подходит к *VP* с литературоведческой точки зрения: специально исследованы мотивы написания, жанровая природа текста и его композиция. В п. 4.3.3 доказывается полемическая природа текста не только к упоминавшемуся изданию Амелия, но и к христианам, причем не к христианам вообще, как полагал Жерфаньон, впервые обративший внимание на христианскую топику в тексте, а конкретно к Оригену Александрийскому. В п. 4.3.4 проанализирован образ автора, выходящий за границы принятых конвенций для написания βίοι: подчеркивание собственного места в жизнеописании учителя, речь рассказчика от первого лица, стремящегося не к отстраненной объективности, но к отстаиванию своего авторитета в качестве свидетеля. Несоответствие уровня развития рассказчика с совершенством главного героя выделяет текст из круга сходных жизнеописаний. В п. 4.3.5 иллюстрируется жанровая неоднородность текста: вставленные в заключение биографической части *VP* документы (письма Амелия и Лонгина к Порфирию), фрагмент из сочинения Лонгина и оракул Аполлона. Приводимые свидетельства об исключительном, божественном статусе Плотина имеют апологетическую мотивацию и построены по одной схеме: введение – цитируемый текст – толкование. Учитель представлен Порфирием как воплощенный даймон, посредник между горним и дольным миром, который помогает душе найти путь к высшему Благу. Заявленная Порфирием «инаковость» Плотина от рождения находит подтверждение как в самом образе жизни Плотина, так и в лестнице авторитетов от ученика к божеству. Введение оракула – это не только смена жанра

(от биографической прозы к стихотворному оракулу), но и смена голоса автора: переход от ограниченного человеческими рамками рассказчика к новому, божественному авторитету. Элемент «чудесного» в тексте не превалирует, позволяя Порфирию без излишней патетики представить образец для подражания всем интересующимся философией. Не сверхъестественные силы вдохновляют учителя на пути к счастью, но согласованность его жизни с собственной философией в конце концов приводит его к божественному.

В п. 4.4 отстаивается тезис, согласно которому именно христиане были полемическим адресатом *VP*. Проанализированы отношение Порфирия к христианам и его критика аллегоризации библейского текста, полемизируя с которой он предлагает правильный образец аллегорического толкования в сочинении *О пещере нимф* (п. 4.4.1). Для обоснования связи Порфирия с Оригеном и его школой рассмотрена проблема двух Оригенов. В п. 4.5 мы изучили доводы pro et contra унитаристской и дуалистской гипотез, выбрав в качестве рабочей унитаристскую, доказательства в пользу которой мы приводим в п. 4.5.1 и 4.5.2. Конкретные случаи усвоения Порфирием христианской топики мы разбираем в п. 4.5.3. В п. 4.6 приведен обзор мнений Жерфаньона, Бокэма, Эдвардса о полемическом характере *VP* по отношению к христианам. Выделенный исследователями ряд пересечений дополнен новыми примерами усвоения христианской терминологии: например, выражение $\acute{o} \acute{\epsilon}\lambda\iota \pi\acute{\alpha}\sigma\iota \theta\epsilon\acute{o}\varsigma$, восходящее именно к Оригену (п. 4.6.2). Наконец, в п. 4.6.3 отстаивается гипотеза, согласно которой само строение *VP* зависит от *Oratio Panegyrica* Григория Неокесарийского. Адресованная язычникам *Oratio Panegyrica* спровоцировала Порфирия на пародирование ключевых эпизодов и структуры этого текста.

В п. 4.7 сравниваются конкурирующие модели духовного авторитета в *VP* и в VI книге *Hist. eccl.* Евсевия. Ориген Евсевия бросил вызов доминирующей греческой ортодоксии, вытеснив ее из традиции авторитетных текстов, учителей и институтов. Евсевий, который называл Порфирия своим главным врагом, использовал признание Порфирием философского опыта Оригена, чтобы показать, что ученик Аммония Ориген был грозным соперником платоникам. Порфирием движет то же желание обновления: он опирается на Пифагора и Платона и через Нумения, Аммония, Плотина вкладывает в уста учителя проект новой философии, избавленной от заблуждений эллинистической философии и «новых еретиков», христиан. Выводы по главе приводятся в п. 4.8.

В **ЗАКЛЮЧЕНИИ** формируются основные выводы исследования. Принятое в литературе деление истории платонизма на средний платонизм и неоплатонизм вызвано религиозными мотивами и противостоянием позднему платонизму. На нынешнем этапе исследований принятая периодизация платонизма, искусственная по характеру, а также изолированное рассмотрение языческих и христи-

анских литературных памятников, мешают реконструкции историко-литературной ситуации взаимодействия языческих и христианских школ и, в частности, установлению релевантного контекста для *Vita Plotini*.

Со II в. язычники и христиане вместе работают на общем интеллектуальном и литературном поле, привлекая и создавая тексты, которые равно читались и учитывались как теми, так и другими, что подтверждается анализом таких фигур, как Филон, Нумений, а также герметической традиции, гностиков, т. н. *Халдейских оракулов*, Иустина Философа и других апологетов, а также текстов Лукиана и Кельса.

В это время, благодаря взаимодействию с греческой философией, не только развивается христианское самосознание и учение, но и существенно обновляется традиционный платонизм, осваивающий восточные влияния и христианские установки (в частности, вмещающая представление о священном тексте как основе философствования). Эта традиция непрерывно развивалась в III в., когда в Риме возникла школа Плотина, членом которой был Порфирий, изобразивший ее в своей *Жизни Плотина*.

В центре внимания автора *Жизни Плотина* не только сам Плотин, глава школы, но и два его ученика: Амелий и Порфирий. Показано, что в основе повествования Порфирия лежит его постоянное, начиная с первого появления в школе Плотина, соперничество с Амелием. Амелий – во всем первый: первый ученик Плотина, он по его поручению пишет опровержение Порфирия, не сумевшего понять точку зрения Плотина на соотношение ума и умопостигаемого; но Амелий также и первый издатель текстов Плотина. Кроме того, Амелий пишет толкование на пролог *Евангелия от Иоанна*, где деликатно допускает возможность проводимого там представления о Логосе, что совершенно недопустимо для яростного противника христиан Порфирия, который еще в юности был знаком с Оригеном, имел представление о его школе, знал его учение и не мог вынести того почтительного отношения, которое Ориген заслужил у своих учеников. В значительной степени этим спровоцирован тот образ Плотина, который Порфирий рисует в *Жизни Плотина*.

Для правильного понимания этого, как принято считать, введения к изданию сочинений Плотина необходимо иметь в виду, что речь идет о Плотине как об ученике некогда бывшего христианином Аммония, который был и учителем учнейшего христианина Оригена, возвеличенного в энокмии его ученика свт. Григория Неокесарийского; сочинения Плотина собрал и задолго до Порфирия издал Амелий, который хорошо понимал своего учителя и при этом допускал истинность христианского учения о Логосе. Из сочинений Плотина Порфирию хотелось сделать священное писание платоников, составленное им, Порфирием, в пику христианам, против которых он пишет специальное сочинение, уже своей

структурой воспроизводящее строение универсума (хотя для этого ему пришлось перекомпоновать ряд платиновских текстов).

Текст характеризует жанровая неоднородность: *Vita Plotini* – это энкомий, который, однако, подчеркнута лишен многих черт традиционных похвальных слов, но при этом может быть соотнесен с *Похвальным словом Оригену* свт. Григория Неокесарийского; вместе с тем это и житийный текст, герой которого сопоставим с образами христианских святых; это текст ученого издателя и хорошего филолога, но вместе с тем это и предисловие к *Эннеадам*, которые Порфирий составляет как сакральный текст для платоников, чтобы противопоставить его Священному Писанию христиан.

Таким образом, *Vita Plotini* Порфирия – часть проекта по философскому обновлению, который Порфирий выдвинул в пику нарождающемуся в школе Оригена движению по изъятию философии у язычников в пользу христиан. Представление о божественном муже Плотине сформировано под влиянием представлений о святости и авторитете наставника, характерных для христианских авторов круга Оригена, а само изображение Плотина как «божественного мужа» (θεῖος ἀνὴρ) откликается на образ Оригена, нарисованный его последователями и отстаивавшими программу философского обновления, альтернативную платоникам.

Основные результаты диссертации были отражены в следующих публикациях:

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. Соловьёв, Р. С. Гомер как первый богослов: аллегория и символ в трактате Порфирия «О пещере нимф» // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2020. Вып. 64. С. 47–66. (Импакт-фактор РИНЦ 2021 – 0,430).

2. Соловьёв, Р. С. Подходы к литературе поздней античности: в поисках золотой середины // *Philologos*. 2022. № 3 (54). С. 87–93. (Импакт-фактор РИНЦ 2021 – 0,167).

3. Соловьёв, Р. С. Жанровые особенности *Vita Plotini*: на кого равнялся Порфирий // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2022. Вып. 73. С. 84–102. (Импакт-фактор РИНЦ 2021 – 0,317).

4. Соловьёв, Р. С. Линия «Филон – Нумений» в борьбе неоплатоников и христиан за истинную философию в III веке // *Litera*. 2023. № 4. С. 66–81. (Импакт-фактор РИНЦ 2021 – 0,360).

5. Soloviev, R. S. Philosophical Renovation in the 3rd Century: Polemical Component of Porphyry's *Vita Plotini* in Relation to Gregory of Neocaesaria's *Oratio Panegyrica* // *Philologia Classica*. 2023. Vol. 18 (1). P. 16–32. (Импакт-фактор WoS 2021 – 1,13).

6. Соловьёв, Р. С. Толкование на пролог «Евангелия от Иоанна» Амелия Гентилиана: к вопросу об источниках докетических выражений // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2023. – № 27 (2). С. 1092–1114. (Импакт-фактор SJRank 2022 – 0,18).

Научные статьи по теме диссертации, опубликованные в других изданиях:

7. Соловьёв Р. С. Генезис термина «неоплатонизм» и порожденные им историографические штампы // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. Вып. 106. С. 69–88. (Импакт-фактор WoS 2021 – 0,32).